

И.Б. Васильев

СРУБНАЯ КУЛЬТУРА ЛЕСОСТЕПНОГО ПОВОЛЖЬЯ И ПРИУРАЛЬЯ*

В обширном ареале срубной культурно-исторической общности, наряду с другими, выделяется лесостепная волго-уральская срубная культура. Благоприятные природные условия данного региона, обилие больших и малых рек с плодородными поймами, удобными для ведения комплексного скотоводческо-земледельческого хозяйства, во многие исторические эпохи способствовали формированию здесь значительных по численности и уровню развития этнокультурных образований. Особенно ярко это проявилось в период существования в лесостепи населения срубной культурно-исторической общности. Южные районы лесостепного Поволжья и Приуралья вместе со степными районами Поволжья стали центром сложения культуры срубных племен. Именно отсюда они заселили более северные, глубинные районы лесостепи вплоть до южной кромки леса, начали продвигаться на запад в Причерноморье, а также, по-видимому, и на юго-восток, послужив в качестве одного из компонентов сложения тазабагьябской культуры. Значительный интерес представляют взаимоотношения срубных племен с населением лесных культур, в результате чего на северной границе общности образовался «шлейф» из своеобразных синкретических культурных образований типа поздняяковской и приказанской культур. Все это определяет особое значение исследования волго-уральской лесостепной срубной культуры.

Границы волго-уральской лесостепной срубной культуры были намечены еще Н.К. Качаловой (Качалова, 1977). На западе – это р. Сура, за которой начинается территория донских лесостепных срубных племен. На севере – р. Кама, на правый берег которой срубные племена уже почти не проникали. Северо-восточной границей территории срубных племен являлось нижнее и среднее течение р. Белой, а восточной – верховья р. Урала, за которой известны только смешанные срубно-алакульские и алакульские памятники. Юго-восточная граница проходила по централь-

ным районам Оренбуржья: в западных районах этой области исследованы срубные памятники, а в восточных – алакульские. Приблизительной границей между лесостепными и степными поволжскими срубными племенами являлся р. Большой Иргиз. В правобережье Волги граница между степными и лесостепными срубными племенами вместе с южной границей лесостепи опускалась далеко на юг, приблизительно до широты г. Саратова. Внутри очерченного ареала памятники срубной культуры обладают более или менее близкими чертами материальной культуры, погребального обряда и хозяйства, а также общностью исторических судеб оставившего их населения. Эти особенности позволяют выделить особую волго-уральскую лесостепную срубную культуру и отличать ее от срубной степной нижеволжской, а также донских (лесостепной и степной) и других. Необходимо учитывать, что в рамках этого региона срубная культура не была абсолютно единой. Наблюдается ряд различий, например, между восточными (приуральскими) и западными (поволжскими) памятниками срубной культуры или памятниками южных и северных районов лесостепного Поволжья. Со временем эти различия позволят выделить в волго-уральской срубной культуре ряд вариантов. На современном уровне изучения, в связи с неравномерностью исследования указанной выше территории, говорить об их выделении пока преждевременно.

Природные условия. Очерченный регион волго-уральской лесостепной срубной культуры совпадает с зоной южной лесостепи (Мильков, 1977. С.22-24; 141). Почвоведы и геоботаники относят ее к северу степной зоны. До распашки в ее ландшафте господствовали разнотравные (луговые) степи, чередующиеся с большими островами широколиственных лесов. Геоморфологически территория делится на районы: Приволжскую возвышенность и Жигули, низменное Заволжье, высокое Заволжье и Приуралье. Они изобилуют большими и малыми реками, хоро-

* Данная статья была подготовлена И.Б.Васильевым в конце 80-х годов для тома по бронзовому веку серии «Археология СССР», но по ряду причин не была издана. Отражая определенный уровень накопления материалов по срубной культуре и их осмысления на конец 80-х годов XX в., статья представляет значительный историографический интерес. Вместе с тем, она содержит ряд наблюдений и выводов, не потерявших значения и сегодня. К сожалению, многочисленные иллюстрации, подготовленные автором к данной статье, были утеряны в редакции.

шо связывающими Поволжье и Приуралье как в меридианальном (Волга, Белая, Ик, Дема, Урал), так и в широтном направлении (Самара, Кинель, Черемшан, Иргизы, Урал). Большую часть лесостепного Поволжья и Приуралья занимают лугово-черноземные почвы, на юге переходящие в темно-каштановые почвы, а на севере – в серые лесные и подзолистые почвы. В отличие от лесной и степной зон, лесостепь обладает сочетанием сравнительно теплого климата и достаточного увлажнения (соотношение тепла и влаги здесь близко к оптимальному), что создает благоприятные условия для земледелия и скотоводства. В то же время в этой ландшафтной зоне сравнительно часты засушливые годы, что делает земледелие рискованным занятием. В лесостепи богат животный мир: здесь обитают представители лесных и степных форм (лось, косуля, кабан, медведь, волк, лисица, заяц, бобр, куница, белка, суслик, сурок, мышевидные грызуны, тетерев, стрепет и т.д.), а многочисленные реки изобилуют рыбой (Мильков, 1977. С.131-132). В целом можно отметить, что лесостепь обладает благоприятными условиями для ведения всех типов как присваивающего, так и производящего хозяйства.

История изучения памятников срубной культуры Волго-Уралья. Первые находки материалов срубной культуры в изучаемом регионе относятся к концу XIX – началу XX в., когда Ф.Д.Нефедовым (1899), В.Н.Поливановым (1900), П.А.Пономаревым (1913), В.Я.Толмачевым (1914), а также другими археологами и краеведами были раскопаны курганы, содержавшие погребения срубной культуры, и собрана керамика на поселениях. Большие сборы археологических материалов, среди которых имелись и предметы срубной культуры, провел В.И.Заусайлов, изданные затем А.М.Тальгреном (1916; 1918). В 1913 г. и в последующие годы в Хвалынском районе Саратовской области изучением срубных памятников занимались В.Ф.Орехов, М.А.Радищев и другие краеведы. В результате их работ был открыт и частично исследован ряд поселений с валиковой керамикой, обследованы городища между г. Хвалынском и с. Алексеевкой, на которых была обнаружена срубная керамика, раскопано несколько курганов, содержащих срубные захоронения (Орехов, 1914. С.131-138; 1916. С.39-59; Федоров, 1914. С.139-144). Материалы Ивановской и ана-

логичных ей стоянок в дальнейшем широко использовались различными исследователями и стали эталонными для характеристики позднего («хвалынского») этапа срубной культуры Поволжья.

Первые более или менее систематические исследования лесостепного Поволжья относятся лишь к послереволюционному времени. Они связаны с именем профессора В.В.Гольмстен и ее учеников (Юнусова, 1975). В результате планомерного обследования берегов рек Волги, Самары, Кинеля, Сока, Иргиза и других были получены материалы ранней и средней бронзы, представляющие значительный интерес для изучения процесса формирования срубной культуры, а также было обнаружено около 300 поселений и погребений этого времени. В.В.Гольмстен в ряде своих работ охарактеризовала памятники срубной культуры Самарского Поволжья и разделила их на три типа: 1) собственно срубные; 2) срубно-хвалынские, которые она считала переходными от срубной культуры, выделенной и описанной В.А.Городцовым, к хвалынской культуре, выделенной П.С.Рыковым; 3) более поздние – хвалынские. В.В.Гольмстен совершенно верно показала различия между ранними и поздними типами керамики и погребениями, сделала выводы о скотоводческо-земледельческом хозяйстве этих племен, устройстве жилищ, металлургии и т.д. Она присоединилась к датировке хвалынской культуры, предложенной П.С.Рыковым: 1600-900 гг. до н.э. (Гольмстен, 1928; 1933). Таким образом, еще в 20-е годы, несмотря на ничтожно малую источниковедческую базу, В.В.Гольмстен, П.С.Рыков и П.Д.Рау заложили основы изучения срубной культуры Поволжья. Главные положения их работ не подверглись существенному пересмотру вплоть до настоящего времени.

В 20-е – начале 30-х годов в лесостепном правобережье Волги на реках Медведице, Суре и их притоках экспедицией под руководством П.С.Рыкова было исследовано несколько курганов, содержащих погребения срубной культуры, к сожалению, до сих пор не опубликованных (Рыков, 1925. С.5-7; 1929. С.5). В 1925 г. два кургана на территории современной Ульяновской области исследовал В.А.Городцов. Однако они также своевременно не были введены в научный оборот и опубликованы позднее (Попова, 1953). В это же время (1927) П.П.Ефименко и

П.Н. Третьяковым были раскопаны еще два кургана в Чувашской АССР, опубликованные лишь в 1961 г. (Ефименко, Третьяков, 1961). Дальнейшее изучение памятников срубной культуры в лесостепном Поволжье было связано с работами по обследованию зоны затопления Куйбышевской ГЭС, проводившимися с 1936 г. по 1940 г. Г.П. Гроздиловым А.В. Збруевой, Е.И. Горюновой, Н.Н. Муромцевой, Н.В. Бакшаевым, В.Г. Карцевым и другими исследователями (Гроздилов, 1941; Збруева, Смирнов, 1939). В Приуралье ряд срубных поселений и погребений был изучен под руководством П.А. Дмитриева и К.В. Сальникова (Дмитриев, Сальников, 1941), что позволило установить северо-восточную границу распространения срубной культуры и решить ряд конкретных вопросов истории срубных племен Приуралья. Итоги довоенного этапа исследования срубной культуры были подведены в монографии О.А. Кривцовой-Граковой (Кривцова-Гракова, 1955). На материалах преимущественно поселенческих материалов лесостепного Поволжья она сделала важные выводы о формировании срубной культуры на основе полтавкинской культуры в Поволжье и дальнейшем распространении ее на запад, о делении срубной культуры на два этапа, один из которых она назвала покровским, а второй – хвалынским. В работе было подробно освещен ряд вопросов хозяйства, социальных отношений, металлургии, дальнейшей судьбы срубных племен. Чрезвычайно важно было рассмотрение срубной культуры на широком историческом фоне и в тесной связи с андроновской культурой. Несмотря на некоторые неточности, вполне естественные в связи со сравнительно узкой источниковедческой базой, имевшейся к началу 50-х годов, монография О.А. Кривцовой-Граковой стала важнейшим этапом в исследовании срубной культуры и не потеряла своего значения до сих пор.

Значительный этап в изучении срубной культуры лесостепного Волго-Уралья был связан с работами Куйбышевской археологической экспедиции. В результате широких и планомерных исследований, проведенных отрядом КАЭ под руководством Н.Я. Мерперта, были получены обширные погребальные и поселенческие материалы, позволившие Н.Я. Мерперту монографически исследовать многие аспекты истории племен срубной культуры (Мерперт, 1954, 1958).

Он поддержал точку зрения О.А. Кривцовой-Граковой о формировании срубной культуры на основе населения, оставившего полтавкинские памятники. В отличие от О.А. Кривцовой-Граковой, которая опиралась в основном на материалы поселений, Н.Я. Мерперт использовал преимущественно данные о погребальных памятниках, но широко привлекал при этом и материалы поселений. Он создал более дробную и четкую четырехчленную периодизацию срубной культуры. Эта периодизация и хронология выделенных этапов (с некоторыми дополнениями и уточнениями), по существу, сохранилась до настоящего времени. Первые два этапа Н.Я. Мерперта соответствовали первому этапу по О.А. Кривцовой-Граковой, а третий и четвертый – второму этапу. Положительным моментом исследований Н.Я. Мерперта является изучение лесостепной срубной культуры в тесной связи с историей племен лесных районов Поволжья, что позволило скорректировать периодизацию древностей этих соседних районов.

В 50-60-х гг. XX в. значительное количество срубных памятников было открыто и частично исследовано на территории Башкирии. Итоги работ были подведены в монографии К.В. Сальникова (Сальников, 1967). На основе сравнительного анализа материалов срубных поселений и могильников автор рассмотрел срубную культуру в системе культур бронзового века Южного Урала: абашевской, андроновской, черкаскульской, а также осветил вопросы происхождения, хозяйства, периодизации и хронологии, взаимоотношений с соседними племенами и т.д. Он разделил срубную культуру на 3 этапа: полтавкинский, покровский и хвалынский, из которых два последних соответствовали двум этапам срубной культуры, выделенным О.А. Кривцовой-Граковой.

В 1952 г. небольшие раскопки срубных курганов в Мордовской АССР провел П.Д. Степанов. В период работы КАЭ и позднее, при обследовании разрушающихся берегов водохранилища, казанскими археологами были получены значительные материалы, позволившие А.Х. Халикову сделать их первое обобщение и высказать ряд предположений о времени заселения северных районов лесостепного Поволжья срубными племенами и их взаимодействии с местным населением (Халиков, 1969. С.209-239). Следует от-

метить ряд ценных наблюдений А.Х. Халикова о наиболее сильном андроновском воздействии на лесостепные районы Поволжья, о прекращении существования срубной культуры в Среднем Поволжье не позднее XII в. до н.э. и о широком распространении на всей этой территории приказанских, поздняяковских и черкаскульских племен. Представляет интерес попытка А.Х. Халикова выделить 3 группы срубных памятников Среднего Поволжья: западную (мокшанско-присурскую), центральную (правобережно-волжскую) и восточную (волго-камскую) (Халиков, 1969. С.220). В 70-е годы в рамках работ на Нижнекамской ГЭС и обследования берегов Куйбышевского водохранилища Е.П. Казаковым было проведено обследование ряда памятников в низовьях р. Камы (Казаков, 1975; 1978). Однако, систематическое исследование памятников срубной культуры в северных районах лесостепного Поволжья и Прикамья в последние годы не производилось.

С начала 70-х годов планомерные работы по исследованию памятников срубной культуры под руководством Ю.А. Морозова и В.С. Горбунова начались в Приуралье (Морозов, 1977а; 1977б; Морозов, Пшеничнюк, 1976; Горбунов, Обыденнов, 1978). Основные итоги этих работ подведены в исследовании Ю.А. Морозова (Морозов, 1977а). Следует особо отметить широкомасштабные исследования Старо-Ябалаклинского могильника, произведенные В.С. Горбуновым и Ю.А. Морозовым (106 курганов), и возобновление работ, начатых еще К.В. Сальниковым, на Береговских поселениях (Горбунов, 1986).

В 1970 г. коллективом куйбышевских археологов были начаты активные работы по исследованию памятников срубной культуры лесостепного Поволжья в Куйбышевской, Саратовской, Оренбургской, Ульяновской областях. Исследованы десятки могильников и поселений, получены значительные материалы по проблемам происхождения срубных племен лесостепного Поволжья, их хозяйства, периодизации и хронологии, взаимоотношений с соседними племенами и др. Опубликованы первые результаты исследований (Васильев, 1975; 1976; 1977; 1978; Васильев, Пятых, 1976; Агапов, Васильев, 1976; Зудина, Кузьмина, 1977; Пестрикова, 1977; Ватазина, 1977; Кузьмина, 1978; Багаутдинов, Скарбовенко, 1978; Габелко, 1978). В начале 80-х

годов были сделаны первые обобщения полученных материалов и опубликованы результаты совместной разработки периодизации (Агапов и др., 1983; Васильев и др., 1985).

В эти же годы на территории Ульяновской области провели раскопки срубных курганов Г.М. Буров (Буров, 1974) и Л.Л. Галкин (Галкин, 1974; 1975; Галкин и др., 1976; 1978).

В результате многолетних исследований (особенно работ новостроечных экспедиций в 70-80-е годы XX в.) в лесостепном Поволжье и Приуралье накоплен громадный материал, гораздо больший, чем по любой другой первобытной эпохе, который позволяет подойти к решению многих вопросов истории населения, оставившего памятники лесостепной волго-уральской срубной культуры. Важно отметить, что 70-е годы знаменуются также переходом на новый уровень полевых исследований памятников срубной культуры, когда курганные могильники исследуются полностью, а поселения – широкими площадями, что позволяет получать не выборочные данные, а полноценный материал для исследования сложных вопросов палеодемографии, социальных отношений, хозяйства и др. Исследование средневожской полтавкинской культуры (Васильев, 1979), а также пласта абашевских памятников (Пряхин, 1976; 1977; Горбунов, 1977) дало возможность ставить вопросы о формировании лесостепной волго-уральской срубной культуры, а чрезвычайно возросший уровень изучения ряда сопредельных археологических культур (Зданович, 1975; Смирнов, Кузьмина, 1977; Березанская, 1979; 1982; Братченко, 1977; Отрощенко, 1981; Шарафутдинова Э.С., 1978; 1983; Шарафутдинова И.Н., 1982; Чередниченко, 1977) позволил более аргументированно обосновать ряд вопросов синхронизации, культурных связей и других проблем истории населения срубной культуры лесостепного Поволжья и Приуралья.

Периодизация и хронология памятников волго-уральской срубной культуры. Одной из основных задач изучения срубной культуры, от решения которой зависели все остальные, была разработка периодизации срубных древностей, которая была намечена О.А. Кривцовой-Граковой и затем продолжена Н.Я. Мерпертом. Новые материалы, полученные в последние десятилетия, дали возможность уточнить и допол-

нить периодизацию, разработанную Н.Я. Мерпертом преимущественно на основе памятников севера-запада Куйбышевской области. Необходимо особо подчеркнуть, что в отличие от степного Поволжья, где основой периодизации срубной культуры явилась курганная стратиграфия (Качалова, 1978; 1979), ее разработка в лесостепи оказалась в значительной степени затруднена почти полным отсутствием стратиграфических наблюдений. Видимо, образ жизни лесостепных и степных срубных племен Поволжья различался с самого начала их сложения. Лесостепные срубные племена, в отличие от степных (Шилов, 1964, 1975), вели сугубо оседлый образ жизни. Формирование их могильников отличалось последовательностью и планомерностью. Во время захоронения умерших сородичей люди хорошо знали расположение могил предков и никогда их не нарушали (см. например: Мерперт, 1958. С.56, сноска 49). Под курганной насыпью в лесостепи, как правило, находятся погребения одного хронологического периода. Впускные погребения здесь очень редки. Иногда в расположении погребений наблюдается подчинение определенным правилам (группировка вокруг центрального погребения или жертвенника, расположение рядами и т.д.). Поэтому основным методом работы с громадным материалом памятников волго-уральской срубной культуры была их типологическая классификация.

К настоящему времени на территории лесостепного Поволжья и Приуралья полностью или частично исследовано около 200 курганных и грунтовых могильников срубной культуры, в которых раскопано около 450 курганов, содержащих более 2,5 тыс. погребений. Кроме того, разведочными работами в данном регионе выявлены сотни курганных групп, насчитывающих тысячи курганов, преобладающее большинство из которых оставлено населением срубной культуры. Несомненно, что значительная часть могильников еще не зарегистрирована археологами, т.к. ряд районов Волго-Уралья обследован довольно слабо. Уровень изученности срубных поселений в Поволжье и Приуралье существенно уступает могильникам. Хотя отдельных раскопок на поселениях проведено довольно много (более 50), широким стационарным исследованиям подвергнуты лишь единицы. Поселений срубной культуры в Волго-Уральской лесостепи

такое количество, что учесть все открытые памятники сейчас невозможно. По самым скромным подсчетам их выявлено около 2,5 тысяч, и это лишь часть всех поселенческих памятников этой культуры. Отмеченная Н.Я. Мерпертом чрезвычайная многочисленность и плотность населения срубной культуры, не сравнимая ни с одной из исторических эпох, за исключением современной, подтверждается и современными исследованиями (Мерперт, 1958).

Наиболее полно в настоящее время изучены южные районы лесостепного Поволжья. Здесь, на относительно небольшой территории (Куйбышевская, юг Ульяновской, север Саратовской областей), протяженностью с севера на юг около 300 км, а с востока на запад около 200 км, к настоящему времени исследовано 80 курганных и грунтовых могильников, включающих около 230 курганов и более 1,5 тыс. погребений, а также около 30 поселений. В южных районах лесостепного Поволжья известны и наиболее ранние памятники срубной культуры, характеризующие процесс ее формирования, тогда как в более северных и восточных районах эта культура появляется, в основном, уже в сложившемся виде. Концентрация исследованных памятников на обозначенной территории дает возможность при их типологической классификации выявить хронологические, а не локальные различия срубных могильников. Очень важно, что к определенным этапам развития срубной культуры южных районов лесостепи могут быть привязаны памятники соседних территорий.

Курганные могильники. На основании анализа материалов курганных могильников срубной культуры лесостепного Поволжья и Приуралья были выделены 4 этапа ее развития.

Этап I. К нему относятся около 20-25% всех исследованных подкурганных погребений. Могильники, как правило, небольшие, до 10 курганных насыпей. Каких-либо четких закономерностей в их расположении не наблюдается, иногда они располагаются цепочкой. Величина насыпей различная, но преобладают курганы крупных размеров: диаметром 35-50 м и высотой до 2,5 м. В большинстве могильников имеется один курган более крупных размеров, выделяющийся среди остальных. Курганы круглой формы, все насыпи земляные, каменных сооружений не встречено. В насыпях курганов и на

краю могильных ям встречаются жертвенники: конские костяки; черепа и конечности ног животных; ямы, наполненные углем, пережженной глиной и костями животных. На погребенной почве иногда находятся связанные с жертвенниками деревянные сооружения и глиняные сосуды, меловые подсыпки, следы огня. Характерной чертой могильников I этапа является небольшое число погребений под одной насыпью. Около половины насыпей этого периода перекрывает только одно погребение, значительное количество курганов содержит 2-3 погребения, редко под насыпью располагается большее количество погребений – до 10-11. Встречается расположение погребений рядами по линии восток-запад. Все погребения являются основными. Могильные ямы, как правило, имеют четкую прямоугольную форму, большие размеры (до 3х2 м) и глубину до 2 м от уровня погребенной почвы. Небольшие прямоугольные ямы редки, в основном, они под насыпью «сопровождают» крупные могилы и принадлежат детям или подросткам. В отдельных случаях фиксируются ступеньки по 1-2 стенкам ямы. Характерной чертой погребений этого этапа является наличие деревянных сооружений над ямами: накатников из бревен; перекрытий плахами и корой; сложных конструкций из бревен с опорными столбами, поддерживающими балками; обкладок стен ямы деревом. Срубов в их классической варианте не много. Встречены канавки на дне могильной ямы. Погребенные положены на левый бок, степень скорченности – средняя и слабая. Неоднократно зафиксировано неустойчивое положение рук: одна или обе вытянуты вперед или к ногам. Ориентировка головы погребенных: северо-восточная и северная, случаи восточной ориентировки единичны. В большинстве погребений фиксируются органические подстилки, охристые и меловые подсыпки, иногда перекрытие костяков корой или травой. Широко распространены свидетельства культа огня: от обожжения костяков и деревянных погребальных конструкций – до полной кремации умерших. Кроме обрядов ингумации и кремации встречены кенотафы – крупные могильные ямы или бревенчатые накатники с богатым инвентарем, но без погребенных, а также отдельные вторичные захоронения. Характерны находки в могильных ямах ребер крупных животных. Инвентарь в погребениях

этого этапа располагается у верхней части скелета, он наиболее богат и разнообразен по сравнению с погребениями последующего времени. Следует отметить, что погребения этого этапа содержат большое количество оружия, тогда как на последующих этапах в могилах, в основном, находятся украшения. Преобладающей категорией инвентаря является керамика, однако, в отличие от последующих этапов довольно велик процент бескерамических погребений. Керамика представлена 3 формами: горшковидной, баночной и острореберной. В глиняном тесте сосудов фиксируется, в основном, добавка шамота, но довольно широко распространена и примесь дробленой раковины. Внешняя и иногда внутренняя поверхности сосудов часто имеют упорядоченную штриховку – расчески. Преобладают горшковидные сосуды, банок значительно меньше, острореберные – единичны. Сосуды I этапа, в основном, имеют вертикальные пропорции. Выделено несколько типов горшков: 1) высокие, стройные горшковидные сосуды с плавным профилем или уступчиком на плечиках, продолжавшие пропорции полтавкинской посуды; 2) приземистые горшки, приближавшиеся по форме к классическим образцам развитой срубной посуды; 3) небольшое количество сосудов с трехчленным делением тулова, соответствующих традициям многоваликово-абашевских и петровско-новокумакских сосудов; 4) горшковидные сосуды, близкие к колоколовидной форме, с высоким отогнутым венчиком, часто имеющим на внутренней стороне широкий желобок и ребро, эта керамика сохраняет традиции абашевской посуды; 5) небольшие сосудики, иногда близкой к острореберной формы, имеющие аналогии как в полтавкинской, так и в абашевской керамике. Среди баночных сосудов преобладают открытые формы как горизонтальных, так и вертикальных пропорций (последние преобладают). В целом, для керамики этого этапа характерно отсутствие четкого керамического стандарта, который вырабатывается только ко II этапу. Среди орнаментальных традиций преобладает обычай украшать в основном верхнюю часть сосуда. Лишь иногда орнамент покрывает всю внешнюю поверхность или располагается зонами. Орнаментация, хотя и разнообразная, но не богатая: отпечатки зубчатого штампа или насечек в виде горизонтальных линий, рядов

елочки, зигзага. В основном, применялся мелкозубчатый штамп. Встречена орнаментация веревочкой и ногтевыми зацепками. Процент сосудов с геометрической орнаментацией невелик, они получили широкое распространение лишь на следующем этапе, так же, как и использование средне- и крупнозубчатого штампов.

В металлическом инвентаре наиболее многочисленной категорией являются кинжалы с массивной рукоятью и листовидные обоюдоострые ножи с выраженным перекрестием и выемкой в основании лезвия. Черенок предметов имел трапециевидную или прямоугольную форму, с приостренной или ромбической пяткой. Украшения представлены желобчатыми браслетами с округлыми или приостренными концами и серией подвесок в 1,5 оборота двух типов: 1) мелких каплевидных, приостренных в верхней части; 2) овальных или круглых. Классические типы срубно-андроновских подвесок отсутствовали, они появились лишь на II этапе. Следует отметить также следующие категории металлического инвентаря из погребений I этапа: тесло с несомкнутой втулкой и серию накладок для ремонта деревянных сосудов, которые крепились медными гвоздиками или скобками.

Для погребений I этапа характерно большое количество костяного инвентаря: орнаментированные кольца; наконечники стрел; втоки от древков; амулеты-подвески из клыков волка; ромбические и округлые пряжки т.н. «многоваликового» типа. Из каменных изделий характерны наконечники стрел и топоры бородинского типа.

Этап II. К данному этапу относится наибольшее количество погребений – около 45-50% от всех известных к настоящему времени в лесостепном Поволжье. Для этого времени были характерны крупные могильники, содержащие несколько десятков насыпей. Закономерности в расположении курганов в могильнике, как правило, не наблюдается. Иногда они расположены цепочкой. Насыпи, в основном, небольших и средних размеров, курганы диаметром свыше 30 м редки. Насыпи земляные, лишь в восточной части региона отмечены каменные сооружения в насыпях. Количество жертвенников под курганами резко сократилось, находки керамики и отдельных костей животных в насыпях более соответствует поминальным обрядам (остаткам

тризны). Количество погребений под насыпями увеличивается до 20. Отдельные захоронения начинают совершаться в неглубоких ямах, в погребенной почве. Могильные ямы имеют значительно меньшие размеры, прямоугольную и иногда овальную форму. Деревянных сооружений в могилах становится меньше, конструкции их значительно упрощены – в основном, это накатники из тонких бревен и плах. В позе погребенных наблюдается четкий стандарт: средняя и сильная степень скорченности, руки перед лицом, северная и северо-восточная ориентировка головы умершего. Встречаются отдельные отклонения от этой основной ориентировки, которые, видимо, были связаны с круговым расположением могил под курганом. Сокращается количество подстилок и подсыпок, а также проявлений культа огня. Найдены отдельные вторичные захоронения и кремации. Характерный для предшествующего времени обычай помещать на краю могильной ямы черепа и кости конечностей животных в погребениях II этапа не обнаружен. Изменяется и состав костей животных, находимых в могильных ямах, – это преимущественно альчики и бабки. Инвентарь располагается у рук и головы погребенного. Он представлен, как правило, 1-2 сосудами. В погребения очень редко кладутся орудия труда и оружие. Металлические изделия, в основном, представлены украшениями. В керамике также выработался четкий стандарт. Наиболее распространенные формы: баночная и горшковидная, найденные в погребениях II этапа в равном соотношении. Горшковидные сосуды приобрели ярко выраженные горизонтальные пропорции. В сосудах этого этапа практически исчезли предшествовавшие признаки: примесь раковины в глине и упорядоченная штриховка поверхности. Орнаментация характеризуется ярко выраженным геометризмом. Распространился средне- и крупнозубчатый штамп, появился гладкий штамп и резной орнамент, встречены насечки. Полтавкинские, отдельные многоваликовые и петровско-новокумакские черты в керамике исчезли, слабо представлены и отдельные абашевские элементы. Одновременно появились характерные алакульские черты: уступчик на плечиках сосудов, мотивы орнамента – взаимопроникающие треугольники, заштрихованные ромбы, уточки, пирамидки и т.д. В состав по-

гребального инвентаря входят изделия из бронзы: листовидные ножи с прямыми рукоятками, шилья, иглы, желобчатые браслеты. Значительна серия желобчатых подвесок в 1,5 оборота, иногда обложенных золотой фольгой. Более половины подвесок является либо копией алакульских, либо прямым алакульским импортом. Получили распространение собственно срубные типы грушевидных желобчатых подвесок с крупными выпуклинами. Найдены реберчатые биноклевидные пронизи, кольца, подвески, бусы, накладки, бляхи с пунсонным и гравированным орнаментом, сложные наборы из украшений различных типов, находящие аналогии в алакульских могильниках. Количество костяных изделий уменьшилось. К ним относятся кольца, подвески, модель булавы и другие. Широко распространились бусы из серебра и керамической пасты.

Этап III. К данному этапу относится несколько меньшее количество погребений по сравнению с II этапом (их около 25-30% от всех исследованных погребений). Наиболее характерные черты рассматриваемого этапа: появление насыпей овальных очертаний (при сохранении традиции создания круглых насыпей), а также увеличение количества погребений под одной насыпью (от 27 до 40). Под насыпями иногда встречаются жертвенники – зольники с костями животных и керамикой. Насыпи земляные, камень в погребальном обряде не применялся. Увеличилось количество могильных ям, не достигающих до материка (захоронения в насыпи и на горизонте). Могильные ямы имели небольшие размеры, прямоугольную и овальную форму. Появились ямы трапециевидной и неправильной формы. Деревянные конструкции сооружались в редких случаях – это перекрытия могилы небольшими плахами. В положении погребенных наблюдается определенный стандарт: скорченное на левом боку положение умершего; руки – перед лицом; степень скорченности – средняя и слабая; преобладание северной и северо-восточной ориентировки при появлении более широкого диапазона других ориентировок. Подстилки, подсыпки, следы культа огня в погребениях практически исчезли. Встречены отдельные расчленения и вторичные захоронения. Кости животных найдены в единичных могильных ямах, они принадлежат различным частям туши животных.

Погребальный инвентарь располагался, как правило, у рук и у головы умершего. В целом, его состав сократился: в основном, это керамика, иногда – украшения (бронзовые желобчатые браслеты, стандартные подвески в 1,5 оборота, металлические или керамические бусы). Орудия труда и оружие в погребениях полностью отсутствовали. В керамике продолжалось сохранение и развитие двух основных форм: баночной и горшковидной, но количественно в погребениях преобладали банки. Основная примесь в глиняном тесте – шамот и песок. Сосуды имели ярко выраженные вертикальные пропорции, а горшки – плавную профилировку и округлое плечо. Орнаментация посуды несколько стандартизована. Орнамент прослежен только на половине всех сосудов, причем украшены только верхние треть или половина сосуда. Увеличился процент орнаментации насечками, гладким штампом или резьбой. Орнаментальные мотивы довольно просты: горизонтальные линии и ряды, елочка, зигзаг, ромбы, треугольники, флажки, сетка. В орнаменте появились некоторые раннемежовские элементы (ромбы, флажки резьба), а также некоторые черты, которые в дальнейшем получают развитие в материалах ивановского типа, прежде всего в формах сосудов и в некоторой степени в их орнаментации.

Этап IV. К данному этапу можно отнести пока единственный длинный курган №9 у с. Кайбелы, содержащий около 100 погребений и исследованный Н.Я. Мерпертом (Мерперт, 1958. С.146-143). В лесостепных районах Поволжья известны и другие подобные, сильно уплощенные длинные насыпи, но раскопки их пока не производились. Поэтому выделение последнего этапа срубной культуры лесостепного Волго-Уралья на основании одного кургана (хотя и содержащего 100 погребений) носит в некоторой степени условный характер. Для погребального обряда этого этапа характерны следующие черты: очень низкая насыпь вытянутой овальной формы (45x22 м) с очень большим количеством погребений. Их число в 2 раза превышает количество погребений под одной насыпью курганов предшествующих периодов. Погребения, по наблюдениям Н.Я. Мерперта, располагались длинными, относительно правильными рядами, что соответствует форме насыпи. Сохранилось характерное для предшествующего времени опре-

деленное оформление центра кургана. Здесь на уровне погребенной почвы находилось небольшое кострище с остатками жертвоприношений, в том числе человеческих. Погребальный обряд заметно упростился: отсутствовали глубокие материковые ямы, погребения совершались в почвенном слое. Деревянные конструкции над могилами не сооружались, лишь в одном погребении встречена обкладка ямы жердями. По наблюдениям Н.Я. Мерперта, первоначально каждая могила была перекрыта небольшим холмиком, и поверхность некоторых из них была обложена камнем. Несколько параллельных рядов из таких холмиков после их дополнительной насыпки и составили большое кладбище под невысокой насыпью. Исчезла четкость ориентировки погребенных. Кроме северной, северо-восточной и северо-западной, известных и в предшествующее время, появилась юго-восточная и южная ориентировка головы умершего. Отсутствовал четкий стандарт в позе погребенных: при сохранении скорченного на левом боку положения, появились погребения и на правом боку. Погребальный инвентарь очень беден: керамика, иногда бронзовые желобчатые браслеты, иглы, подвески из зубов волка, костяные колечки. В составе керамики преобладали баночные неорнаментированные сосуды. Острореберные сосуды полностью отсутствовали. Встречены отдельные горшковидные сосуды, украшенные крупно-зубчатым или резным орнаментом.

Такова характеристика курганных погребальных комплексов лесостепного Поволжья. Погребальные памятники каждого из охарактеризованных выше этапов обладают комплексом своих характерных черт, сочетание которых отличает конкретный этап от других и является основой его выделения. Однако, срубная культура лесостепного Поволжья и Приуралья представляется настолько единым, плавно развивавшимся культурным образованием, что если различие погребения I и III или II и IV этапов не составляет труда, то отличий между двумя, следующими друг за другом, этапами гораздо меньше. Зачастую памятники, расположенные на стыке этапов, четко отнести к конкретному этапу довольно сложно. Подобные спорные памятники при классификации не учитывались. Следует отметить также необычайную стабильность и консервативность погребального обряда

срубных племен, а также некоторых типов инвентаря на протяжении веков. Некоторая часть обрядовых черт, характерных для более раннего времени, сохранялась в течение всех более поздних этапов и наоборот, более поздние черты зарождались в предшествующее время. Это создает определенные трудности в классификации материала, но подчеркивает прямую связь и преемственность всех выделенных этапов в эволюционном развитии срубной культуры Поволжья и Приуралья в целом.

Хронологическое положение выделенных этапов определяется соответствием каждого из них крупным, последовательно сменяющим друг друга, хронологическим пластам эпохи бронзы Евразии, наличием или отсутствием пережитков предшествующей эпохи средней бронзы, а также отдельными датирующими вещами.

В материалах памятников I этапа фиксируются свидетельства хронологического соответствия их пограничному горизонту между эпохой средней и поздней бронзы. На западе – это материалы, выделяемые С.С. Березанской в предсрубный культурно-хронологический горизонт, в который входят культура многоваликовой керамики, абашевская культура и постшнуровые культуры (Березанская, 1978. С.82-83). Для их синхронизации, кроме общих стадийальных признаков, особенно важны находки пряжек многоваликового типа (в настоящее время в лесостепном Поволжье их известно около 10), топора бородинского типа (Новопавловский могильник), находки импортной многоваликовой керамики на поселениях (Комаровка, Шигонское поселение), гибридной – многоваликово-раннесрубной керамики в погребениях (Черновский, Федоровский и другие курганные могильники). Большое количество данных имеется для синхронизации памятников I этапа лесостепной волго-уральской срубной культуры и поздних памятников абашевской культуры. Об этом свидетельствует целый ряд общих типов бронзовых орудий труда и украшений, наличие в керамике I этапа срубной культуры значительных абашевских черт, близость погребального обряда той и другой и т.д. В настоящее время имеется целый ряд свидетельств общего предшествования абашевских древностей срубным (Пряхин, 1977. С.104-107). На основании имеющихся в настоящее время источников можно предполагать, что раннеаба-

шевская культура была синхронна полтавкнской культуре (по-видимому, ее позднему этапу), а поздняя – раннему этапу срубной культуры.

На востоке к этому пласту относятся петровско-новокумакские памятники (Зданович, 1975; Смирнов, Кузьмина, 1977). Хронологическая классификация материалов этих памятников еще не проведена, однако имеются данные о синхронности наиболее ранних из них позднеполтавкнским памятникам, а поздних – срубным памятникам I этапа (Мерперт, Качалова, Васильев, 1985).

Металлический инвентарь памятников I этапа представлен типами, характерными для досейминского и начала сейминского хронологического горизонта (Черных, 1970). На основании западной, северной и восточной линий синхронизации памятники I этапа срубной культуры лесостепного Поволжья датируются концом XVII – началом XV в. до н.э. (Березанская, 1979. С.5; Пряхин, 1977. С.110-122; Зданович, 1975. С.21; Смирнов, Кузьмина, 1977. С.50; Аванесова, 1979. С.21-24). В целом, первый этап срубной культуры рассматривается как время смешения и переработки традиций всех основных слагающих компонентов и ее оформление как самостоятельной культуры.

Памятники II этапа срубной культуры лесостепного Поволжья и Приуралья, представляющие срубную культуру периода ее расцвета, относятся уже не к петровско-абашевско-многоваликово-раннесрубному пласту, а к следующему – срубно-алакульскому. О синхронизации памятников срубной культуры с алакульскими свидетельствует значительное количество алакульских типов инвентаря и украшений (в том числе и прямых алакульских импортов), аналогии в погребальном обряде, форме и орнаментации сосудов. Особенно четко видна синхронность и общая историческая судьба срубных и алакульских племен на пограничной территории: в Оренбуржье и на востоке Башкирии, где имеются памятники, которые порой трудно отнести к той или другой культуре. Погребальный обряд и инвентарь памятников II этапа срубной культуры лесостепного Поволжья и Приуралья также находят аналогии в материалах покровского этапа Северного Причерноморья по Н.Н. Чередниченко (Чередниченко, 1977. С.3-13), предсабатиновского этапа по В.С.

Бочкареву и А.М. Лескову (Бочкарев, Лесков, 1978. С.23-26) или старшего сабатиновского этапа по В.В. Отрощенко (Отрощенко, 1981).

Металлические изделия II этапа срубной культуры представлены ведущими формами сейминского хронологического горизонта по Е.Н. Черных. На основании синхронизации с собственно алакульскими и предсабатиновскими (раннесабатиновскими) памятниками, при учете датирующих вещей, II этап срубной культуры лесостепного Поволжья и Приуралья может быть датирован XV-XIV вв. до н.э.

Проблема датировки двух последующих этапов довольно сложна, т.к. в погребальных комплексах этого времени почти полностью отсутствует металлический и костяной инвентарь. Памятники III этапа, как уже отмечалось выше, являются логическим продолжением эволюции срубной культуры и показывают в основном те же закономерности развития, что и срубные памятники Причерноморья и андроновские памятники Зауралья и Казахстана. Следует отметить появление удлиненных насыпей и сосудов с близкими формами, вертикальными пропорциями и орнаментальными схемами на срубных и сабатиновских памятниках. В керамических традициях населения, оставившего памятники III этапа, прослеживаются такие поздние черты, как орнаментация флажками, вытянутыми заштрихованными ромбами, елочкой, а также широко распространяется орнаментация гладким штампом и резьбой, которая в дальнейшем получает развитие в керамике культур финальной бронзы (замараевской, межовской, ивановской). На востоке наблюдается та же тенденция развития керамики андроновских памятников, и здесь некоторые аналогии керамике III этапа срубной культуры можно найти в материалах т.н. бишкульского типа (Зданович, 1973; Зданович, 1979). На основании всех этих данных III этап предположительно датируется XIII-XII вв. до н.э.

Вопрос о продолжительности и дате памятников IV этапа остается открытым из-за явной недостаточности материала. Условно его можно датировать XI в. до н.э.

Грунтовые могильники. Кроме курганных могильников, в лесостепном Поволжье и Приуралье известно несколько грунтовых могильников срубной культуры. К настоящему времени имеются сведения о более 25 могильниках, не имев-

ших в момент их исследования курганных насыпей. Однако, вопрос о том, действительно ли все они изначально были бескурганными или же их насыпи просто не сохранились, для большинства памятников остается открытым. Есть основания полагать, что 3 могильника в лесостепном Поволжье являются безусловно бескурганными: 1) Алексеевский I левобережный (76 погребений); 2) Алексеевский II левобережный (23 погребения), расположенные в Хвалынском районе Саратовской области на правом берегу р. Волги; 3) Съезженский (20 погребений) на левом берегу р. Самары в Богатовском районе Куйбышевской области. Известно и несколько отдельных срубных погребений на дюнах.

Грунтовые могильники располагаются на небольших естественных всхолмлениях террас или на дюнах. Погребальный обряд и инвентарь этих памятников не отличается от курганных. Наиболее крупным грунтовым могильником в лесостепном Поволжье является Алексеевский I левобережный могильник. Могильные ямы располагались на небольшом всхолмлении правого берега р. Волги, на площади около 50x30 м. Всего исследовано 76 погребений, но, видимо, их было больше, т.к. могильник частично разрушен Саратовским водохранилищем. Большинство могильных ям имели овальную и подпрямоугольную формы и были углублены в материк. Ямы небольшие, но встречено несколько могил крупных размеров. Закономерность в их расположении не прослеживается. Погребенные лежат скорченно на левом боку, головой на С, СВ, реже на СЗ. Единично встречено положение на правом боку и на животе. Деревянных конструкций мало. Рядом с двумя погребениями был найден жертвенник – два черепа коней. В отдельных случаях обнаружены следы подсыпки охры и мела. Погребальный инвентарь небогат: в основном, он включал 1-2 сосуда. Преобладали сосуды баночной формы. В погребениях найдены желобчатые бронзовые подвески в 1,5 оборота, браслеты, серебряные бусы, игла и шило. Баночные сосуды имеют, в основном, закрытую форму, горшковидные – вертикальные пропорции и плавную профилировку. Все эти черты сближают данный памятник с курганными могильниками III этапа. Однако, грунтовый могильник возможно не одновременен, и несколько захоронений (судя по крупным ямам, жертвеннику,

охристым и меловым подсыпкам, деревянным накатникам, оригинальной пряжке многоваликового типа с двумя «рогами») относится к более раннему времени. Алексеевский II левобережный могильник, который можно отнести к I этапу срубной культуры, был исследован в 400 м к северу от первого могильника. Здесь были исследованы погребения с архаичными чертами обряда, свидетельствующими об их раннем возрасте. Кроме того, имеются данные для отнесения их и расположенного рядом погребения новокумакского типа к одному времени. Грунтовый могильник, исследованный у с. Съезжее, в котором изучено 20 погребений, по-видимому, относится ко II этапу. Известны также отдельные погребения, расположенные на дюнах, относящиеся к разным этапам срубной культуры, от ее ранних этапов до финала.

Таким образом, как и на других территориях распространения срубной общности (Шилов, 1975. С.31; Чердниченко, 1977. С.13; Отрощенко, 1981. С.10-13), в лесостепном Поволжье и Приуралье на протяжении всего существования срубной культуры параллельно курганному обряду существовал и бескурганный. Бескурганные погребения отличаются некоторой бедностью инвентаря. Керамика здесь в основном баночных форм, скупо орнаментированная, бронзовый и костяной инвентарь очень редок. Кроме того, в составе погребенных в грунтовых могильниках преобладает доля детских захоронений (Алексеевский I – 63%, Алексеевский II – 87%, Съезженский – 95%, Кзыл-Юлдузский – 63%). Возможно, именно в этом кроется объяснение параллельного существования курганного и бескурганного обрядов погребения и их некоторых различий.

Поселения. Исследование поселений в Поволжье и Приуралье отстает от изучения погребальных памятников, хотя в последние годы наметилась некоторая активизация их раскопок (Агапов, Васильев, 1976; Агапов, Пенин, 1976; Зудина, Кузьмина, 1977; Багаутдинов и др., 1978; Матвеева, 1979; Морозов, 1983; Горбунов, 1981). Всего в данном регионе раскопкам подвергнуто около 50 поселений, однако на большинстве из них вскрыты небольшие площади от 100 до 300 кв.м., что естественно, не дает полного представления о памятнике. Лучше изучены следующие поселения: Сусканское (3 тыс. кв.м), Кировское (1 тыс. кв.м), Шигонское (2,5 тыс. кв.м), Берегов-

ское I (более 2 тыс. кв.м). Как правило, срубные поселения располагались на берегах небольших рек или их стариц. На Волге и других крупных реках их известно немного. Поселения обычно находятся на первых надпойменных террасах, иногда на невысоких останцах террас, среди поймы или на дюнах. Вопрос о периодизации срубных поселений довольно сложен, т.к. до сих пор в Поволжье и Приуралье почти не известны случаи стратиграфии. Поэтому разработка периодизации срубных поселений в настоящее время возможна лишь на основе типологической классификации керамики и ее соответствий керамике могильников. Эволюционное развитие срубной поселенческой керамики и ее несколько меньшая информативность по сравнению с погребальной делают эту задачу еще более сложной.

Все поселения лесостепного Поволжья разделяются на 3 группы, которые относятся к 3 хронологическим этапам. В особую группу выделяются памятники с керамикой ивановского (или хвалынского) типа.

Наиболее ранние поселения, отнесенные к I группе, известны так же, как и погребальные памятники, лишь в южных районах лесостепного Поволжья. В настоящее время в нее можно включить 4 подвергнутых раскопкам поселения: Сусканское II, Михайло-Овсянское, Сосновское и Шигонское. Кроме того, отдельные находки ранней срубной керамики известны на ряде поселений, где проводились лишь разведочные работы (Осиновые Ямы, Максимовка и др.). На большинстве из них жизнь продолжалась позднее, на II этапе срубной культуры. Площадь поселений I группы обычно небольшая, и коллекции материалов состоят из нескольких сот фрагментов керамики. Керамика представлена сосудами 2 ведущих форм посуды срубной культуры: баночной и горшковидной, из которых последняя является преобладающей. Очень редки остросереберные сосуды. В керамике прослеживается примесь крупного шамота и дресвы, иногда раковины. Сосуды толстостенные, с неровной штриховкой поверхности, преимущественно вертикальных пропорций. Широких приземистых горшков развитой срубной культуры не много. Найдены сосуды с желобком на внутренней стороне шейки (абашевская традиция) и с уступчиком на плечиках (полтавкинская традиция). Орнаментирована, как правило, верхняя

часть сосудов, но иногда орнамент опускается и ниже, покрывая всю внешнюю поверхность. Есть и отдельные не орнаментированные горшки. Орнамент выполнен мелко-и-крупнозубчатыми штампами, концом палочки или углом штампа, иногда полый косточкой и шнуром. В орнаменте отсутствует система развитого геометризма, характерного для более позднего времени, хотя отдельные его элементы (в основном, заштрихованные треугольники) встречаются. Основные орнаментальные мотивы: зигзаг, горизонтальные линии и ряды наклонных параллельных линий, треугольные лопасти, елочка, горизонтальные ряды отпечатков коротких овальных штампов-гусеничек. Другой инвентарь поселений I группы вычленяется с трудом. Возможно, к этому времени относится медное шило с упором полтавкинского типа, найденное на Сосновском поселении, и массивный листовидный нож из Михайло-Овсянки. Видимо, к этому же времени относится обломок псалия архаичной формы из слоя Сосновского поселения, находящийся аналогии в петровских комплексах (Виноградов, Зданович, 1980. С.138). На поселениях I группы исследовано небольшое количество жилищных построек. Одним из наиболее архаичных жилищ в лесостепной волго-уральской срубной культуре является исследованное Н.Я. Мерпертом небольшое квадратное жилище II Сусканского поселения. Оно имело размеры около 5х5 кв.м и глубину 0,6-0,7 м (Мерперт, 1958. С.62-65). На основании веерообразно лежащих остатков бревен перекрытия жилища и ямок от центральных опорных столбов Н.Я. Мерперт реконструировал жилище как примитивную бревенчатую конструкцию с шатровым перекрытием. Бревна перекрытия сходились в центре и опирались на три столба (или на один из них, укрепленный двумя другими). Стены жилища могли дополнительно оплетаться ветвями и обмазываться глиной. Остатки обожженной обмазки были найдены внутри жилища (Мерперт, 1958. С.83). В нем находилась также очажная яма диаметром около 1 м. В целом, можно предполагать, что для I этапа были характерны небольшие жилища самой примитивной конструкции, которая характеризует первые шаги домостроительной техники племен срубной культуры.

Ко II группе или этапу относится небольшое число срубных поселений лесостепного По-

волжья и Приуралья: Комаровское, Яковское, Сурушское, основная часть Михайло-Овсянки, Шигонского, Береговского I и некоторые другие. В это время поселения приобрели, по-видимому, более стационарный характер. По сравнению с поселками I этапа их площадь увеличилась. Поселенческая керамика II этапа сохраняет все основные технологические характеристики посуды I этапа, но характеризуется широким распространением сосудов баночной формы (количество баночных сосудов достигает половины и более). Горшки приобрели «классические» срубные пропорции, появилось довольно большое количество остросереберных сосудов. Керамика стала более тонкостенной и плотной. Более тщательно изготовлены остросереберные сосуды, поверхность их иногда подлощена. В орнаментации царил геометризм: заштрихованные треугольники, ромбы, зигзаги, горизонтальные линии. Часто встречаются ряды насечек и параллельных наклонных отпечатков штампа. Менее распространенными элементами орнамента являются елочка, сетка, кресты, ряды угловых вдавлений. При нанесении орнамента использовались преимущественно крупные и среднезубчатые штампы. Таким образом, в поселенческой керамике II этапа наблюдаются те же тенденции, что и в погребальной: широкое распространение сосудов горизонтальных пропорций с геометрической орнаментацией, гораздо больший процент банок по сравнению с предшествующим этапом, исчезновение полтавкинских и абашевских реминисценций. Обращает на себя внимание появление параллелей (особенно в орнаментации) с алакульским керамическим комплексом.

Из другого инвентаря, характерного для поселений II этапа, следует отметить находки желобчатых псалиев из расколотой кости (Комаровка, Красные Пески), листовидных ножей, шильев, игл, пряслиц, костяных проколов, тупиков для обработки кожи и других изделий. Довольно часты свидетельства металлообработки: литейные формы для отливки серпов с Яковского I и Шигонского поселений, многочисленные целые и обломки форм для отливки копья, топора, ножей, тесла с поселения Липовый Овраг в Хвалынском районе Саратовской области, крупные молоты для дробления руды с поселения у Кирпичных Сараев. На поселении Михайло-Овсянка обнаружены остатки четырех шахт для

добычи медной руды, а также ямы, заполненные слоями руды и золы. В культурном слое поселения встречены куски руды, фрагменты ошлакованных сосудов, кости животных, зола (Матвеева, 1979). Эти находки свидетельствуют о том, что на II этапе срубной культуры, несмотря на существование широкого импорта бронзовых изделий с востока, были развиты местное бронзолитейное производство и металлообработка.

Жилища этого времени приобрели более крупные размеры и прямоугольную форму. Большинство из них имели небольшие выходы-тамбуры. По сравнению с предшествующим временем конструкция жилищ усложнилась. Их исследование показало, что вдоль стен и по оси в центральной части расположены ямки от столбов, свидетельствующие о наличии различных столбовых конструкций, в том числе, видимо, и столбов, поддерживающих опорные балки, на которые опиралось перекрытие жилища. Кроме того, в жилищах обнаружены открытые грунтовые очаги, иногда обложенные камнем, хозяйственные ямы, колодцы, следы подсобных помещений (возможно, загонов для скота). Видимо, наряду с полуземляночными жилищами существовали наземные жилые и хозяйственные сооружения.

На III этапе наблюдается некоторое сокращение числа поселений по сравнению с предшествующим периодом. Не исключено, что это было вызвано концентрацией населения на отдельных поселениях, т.к. в это время поселки приобрели большие площади, а жилища – очень крупные размеры. Поселения этого типа известны на всей территории лесостепного Поволжья и Приуралья. Домостроительные традиции срубного населения на III этапе хорошо характеризуют исследованные Н.Я. Мерпертом крупные подпрямоугольные котлованы жилищ на I Сусканском поселении (Мерперт, 1958. С.104-134). Поселение занимало площадь около 3 тыс. кв. м. Оно располагалось на мысах по обоим берегам небольшой речки Сускан, в 8 км от ее впадения в р.Волгу и было укреплено валами и рвами. Здесь исследованы остатки двух больших жилищ подпрямоугольной формы. Размеры одного из них 24x14 м, глубина 1,5-1,6 м от современной поверхности и 0,7-0,8 м от уровня материка. Размеры второго жилища: 12x10 м, глубина 1,3 м от поверхности. Жилища имели двускатные крыши,

которые поддерживали балки, крепившиеся на двух рядах столбов вдоль длинной оси жилища. Столбами по углам крепился и его бревенчатый каркас. В жилищах находились большие и глубокие ямы-погребки глубиной до 3,9 м от уровня пола. Имелось несколько грунтовых очагов: один крупный общий очаг-жертвенник в центре жилища и несколько маленьких очагов по его краям. На основании исследования котлованов, Н.Я. Мерперт реконструировал жилища как прямоугольные полуземлянки площадью около 300 кв.м, с двухскатной кровлей, каждая сторона которой опиралась на продольную балку, поддерживаемую рядом столбов. Нижние концы балок кровли опирались на землю, а верхние свободно перекрещивались выше опорных слег, по линии центральной продольной оси дома. Там, очевидно, находились световые люки, служившие одновременно отверстиями для выхода дыма. Вход в жилище располагался в торцовой стене со стороны реки (Мерперт, 1958. С.115-116).

В керамике поселений III этапа лесостепного Поволжья наблюдается тенденция к увеличению горшковидных сосудов высоких пропорций с плавной профилировкой тулова и уменьшение процента баночных сосудов, выявленная В.И.Сагайдаком для лесостепного Подонья. Появились новые формы сосудов с узким горлом и сильно раздутым туловом, а также амфоровидные сосуды с узким прямым горлом, плавно переходящим в слабо профилированное тулово, и маленьким днищем. Количество остросереберных сосудов резко сократилось, они также приобрели вертикальные пропорции. Технологические характеристики керамики поселений III этапа, в основном, остались прежними. Появились отдельные сосуды на поддонах, шире распространились закраины. Выявлено общее обеднение орнамента, который занимал лишь узкую полосу верхней части сосуда, а часто и совсем отсутствовал. Широкое распространение геометрзма, характерное для предшествующего времени, на данном этапе отсутствует. Исчезает и свойственная предшествующему времени строгость и четкость орнамента. Большое распространение получил орнамент, выполненный гладким штампом и резьбой, а также углом штампа или концом палочки (овальные, клиновидные, уголкового вдавления). Орнаментальные мотивы: вертикальная и горизонтальная елочка,

сетка, кресты, зигзаги, горизонтальные линии, ряды наклонных параллельных линий, лесенки, флажки, ромбы, заштрихованные треугольники. Появились первые единичные валики, обычно треугольные в сечении, сформованные из стенок сосудов. Определенное распространение получил каннелированный орнамент, но он очень редок. Отдельные остросереберные сосуды, более тщательно изготовленные и богаче орнаментированные, сохранили традиции предшествующего времени.

Таким образом, поселенческая керамика III этапа характеризуется появлением ряда новых черт, свидетельствующих о начале трансформации срубной культуры и признаках наступления нового этапа эпохи бронзы Поволжья. Такие черты, как широкое распространение резьбы и гладкого штампа, орнаментальных мотивов в виде елочки, поясков коротких наклонных насечек, уголковых отпечатков, лесенки, ромбов, флажков, а также появление первых валиков – все они находят аналогии в керамике позднеалакульских памятников (точнее памятников бишкульского типа) (Зданович, 1975), а также в материалах памятников раннемежовского (такталачукского) типа более северных территорий (Обыденнов, 1981). В это же время на поселениях эпохи бронзы лесостепного Поволжья и Приуралья появилась и собственно федоровская керамика (Мерперт, 1958. С.131). В целом же, в поселенческих материалах прослеживаются те же элементы культуры, что и в погребальных памятниках III этапа, которые свидетельствуют о начале сложения единства, приведшего к формированию культур финальной бронзы Поволжья, Приуралья, Западной Сибири и Казахстана (ивановской, алексеевско-саргаринской, межовской и других).

Памятники ивановского типа. Развитие культур эпохи бронзы в лесостепном Поволжье завершают памятники хвалынского или ивановского типа. По нашему мнению, удачнее термин «ивановский тип» – по первым раскопкам В.Ф.Орехова у с.Ивановки. Всего в лесостепном Поволжье и Приуралье известно около 40 поселений с материалами этого типа. Наибольшее их число сосредоточено в южных районах лесостепи (Куйбышевская и север Саратовской области). На большинстве памятников ивановская керамика залегает совместно с

межовско-приказанской, причем чем севернее памятник, тем больше в его керамике межовско-приказанских черт, и чем он южнее – тем больше ивановских. Взаимовстречаемость ивановской и межовской керамики, близость их форм и орнаментации свидетельствует об их синхронности и о том, что в лесостепном Поволжье так же, как и в лесостепной полосе Западной Сибири (Зданович, 1975; Потемкина, 1976, 1979; Зданович, 1979), параллельно существовали две культурные традиции: лесная (межовско-приказанская) и лесостепная (ивановская).

Керамика ивановского типа – это, в основном, горшковидные сосуды (баночные сосуды имеют валики в единичных случаях). Очень редки остросереберные формы, но и они приобретают вертикальные пропорции с ребром, расположенным в верхней трети сосуда. Тенденция к увеличению процента горшковидных сосудов на поздних срубных поселениях, выявленная В.И.Сагайдаком для лесостепного Дона (Сагайдак, 1976. С.65-67) и подтвержденная материалами лесостепного Поволжья, получила свое продолжение в ивановских материалах. Керамика плотная, в хорошо промешанном глиняном тесте – примесь песка, шамота, иногда дресвы. Формы сосудов довольно стабильны. В целом, ивановская керамика довольно четко отличается от инокультурной, в том числе и от срубной. Наиболее распространенным типом посуды являются горшковидные плоскодонные сосуды вертикальных пропорций с невысокой шейкой, плавной профилировкой плечиков, широким устьем и небольшим дном. Выделяется небольшая группа сосудов с узким горлом и сильно раздутым туловом. Венчики сосудов, как правило, заострены или округлы, иногда плоско срезаны. С внешней стороны имеются своеобразные утолщения – воротнички, а на плечиках сосудов – налепные или сформованные из стенок сосуда валики, концы которых загнуты вниз в виде «усов». Для керамики ивановского типа характерна бедность орнамента (по сравнению со срубной керамикой) и почти полное отсутствие геометрисма. Часть керамики вообще не орнаментирована. Орнамент, в основном, выполнен гладким штампом или резьбой, иногда мелкозубчатым штампом, насечками, ногтевыми вдавлениями. Встречаются пояски из ямок и «жемчужины». Чаще орнаментирована узкая

полоска в верхней части сосуда, иногда только валик или воротничок. Основные орнаментальные мотивы: горизонтальная елочка, сетка, ряды наклонных параллельных линий, иногда зигзаг, горизонтальные линии. Другой инвентарь, связанный с материалами ивановского типа, вычлнить трудно, т.к. однослойных поселений этого типа немного. Видимо, к этому времени относится обломок кинжала сосновомазинского типа (поселение Осиновые Ямы), псалий (поселение Постников Овраг) и целый ряд случайных находок. К сожалению, до сих пор в лесостепном Поволжье и Приуралье ни одно поселение ивановского типа не было подвергнуто широкому стационарному исследованию. Поэтому многие стороны жизни населения, оставившего памятники этого культурного типа (тип жилищ, хозяйство и др.), остаются очень слабо изученными. Возможно, жилища населения с керамикой ивановского типа будут близки одному из наиболее поздних жилищ срубной культуры лесостепного Поволжья, исследованному на левобережном I Сусканском поселении (Мерперт, 1958. С.108. Рис. II), а также жилищам синхронных культур – позднесрубным жилищам Подонья (Грязнов, 1953), межовским (Сальников, 1967, Обыденнов, 1981), алексеевско-саргаринским (Потемкина, 1979. С.24 -25; Зданович, 1979. С.7-9). Как правило, это обширные полуземлянки подпрямоугольной формы, площадью 150-200 кв.м со столбовыми конструкциями, выходами-коридорами, хозяйственными ямами и т.д.

Керамика ивановского типа встречается, в основном, на давно обжитых срубными племенами местах, в одном слое с более ранней срубной керамикой. Формы ивановских сосудов являются логическим продолжением позднесрубной горшковидной посуды. Все эти факты долгое время являлись основанием для поддержки вывода О.А.Кривцовой-Граковой об очень длительном сохранении (наряду с новыми формами) значительного количества старых форм срубной керамики и старых приемов ее изготовления (Кривцова-Гракова, 1955. С.38) и об отнесении памятников ивановского типа ко второму этапу срубной культуры. Аналогичная ситуация наблюдалась и на востоке, в андроновских памятниках (Потемкина, 1979. С.27; Зданович, 1979). По нашему мнению, к настоящему времени накопились многочисленные данные,

которые, при признании несомненной преемственности срубных и ивановских памятников, заставляют изменить прежнюю точку зрения. Широкое распространение не характерных для срубной культуры форм сосудов; появление новых композиций и элементов орнамента; принадлежность ивановских памятников (наряду с межовской и алексеевско-саргаринской культурами) к иному, отличному от предшествующего срубно-андроновского, хронологическому пласту; формирование нового очага металлообработки и переориентация культурных связей (Черных, 1976. С.193-195); новый тип хозяйства; полное отсутствие в лесостепном Поволжье подкурганых ивановских погребений, указывающее на изменение погребального обряда (возможно, он будет близок саргаринскому, см.: Зданович, 1979) – совокупность столь важных изменений в культуре указывает на необходимость выделения памятников ивановского типа в отдельную (ивановскую) культуру. Новая культура была связана своим происхождением с предшествовавшей срубной, но входила уже в иной круг культур финальной бронзы.

Картографирование керамики ивановского типа показывает, что она имела наибольшее распространение на юге лесостепной зоны Поволжья. В северных районах лесостепи (Прикамье, низовьях р.Белой) ее очень мало, а выше устья Камы и Белой, в лесной зоне, она полностью отсутствует. В этот период там были широко распространены памятники межовского и приказанского типов (балымерско-карташихинского и атабаевского этапов по А.Х.Халикову), далее на север – памятники ерзовского типа, синхронные ивановским. В дальнейшем, на всей территории лесостепи распространились памятники позднемежовского или позднеприказанского типа, связанные своим происхождением с более северными лесными районами. Видимо, в эпоху финальной бронзы, в связи с расцветом и значительным усилением населения южных районов лесной зоны и севера лесостепи Поволжья и Приуралья (межовско-приказанских племен) – с одной стороны, и уменьшением заселенности более южных районов, которое было связано с началом перехода потомков срубной культуры к новым, подвижным формам хозяйства – с другой, произошло массовое продвижение населения более северных районов на юг, вплоть

до южных границ лесостепи (Васильев, Иванов, 1979. С.128-134). Характерно, что подобные процессы заселения юга лесостепи населением более северных районов на рубеже бронзового и железного веков наблюдаются на всей территории Евразии.

В Нижнем Поволжье памятники с валиковой керамикой ивановского типа, в основном, располагаются в лесостепном Волго-Донском междуречье (Деревягин, Симонов, 1971. С.218-221). В степных районах, особенно в Заволжье, их немного. Южнее г.Саратова известны немногочисленные находки керамики этого типа, хотя единично она встречается на всей территории Нижнего Поволжья вплоть до Каспийского моря. По-видимому, в конце эпохи бронзы произошло окончательное разделение образа жизни и культуры оседлых скотоводческо-земледельческих племен (носителей культуры ивановского типа) и кочевников-сководов с керамикой нурского типа, которая известна на всей территории степной и полупустынной зоны Поволжья, Урала и восточнее (восточная граница распространения керамики этого типа не определена, см.: Агапов, Васильев, 1976. С.121, 134. Рис.15-16). Керамика нурского типа найдена в южных районах лесостепного Поволжья, в основном, на дюнах. Иногда она находится на тех же памятниках, где имеется также керамика ивановского типа. Не исключена возможность контактов и некоторого периода сосуществования населения с разными укладами хозяйства – ивановского и нурского типов.

Проблема происхождения волго-уральской лесостепной срубной культуры, как и проблема генезиса любой археологической культуры, сводится к решению следующих основных вопросов: 1) какие памятники были характерны для предшествующего времени на изучаемой территории; 2) имеется ли преемственность между ними и наиболее ранними памятниками срубной культуры; 3) насколько существенна эта преемственность, чтобы говорить о местном формировании срубной культуры и, если нет, то на какой территории известны памятники предшествующего времени, имеющие больше этих черт преемственности, чтобы можно было предполагать пришлый характер культуры. На основе имеющихся в настоящее время источни-

ков на эти вопросы можно ответить следующим образом.

На территории волго-уральской степи и лесостепи к настоящему времени исследована значительная серия полтавкинских памятников, объединенных в полтавкинскую культурную общность, включавшую 4 культуры: нижеволжскую, средневолжскую, прикаспийскую и уральскую. Две из них были распространены и в южных районах лесостепи, на будущей территории волго-уральской лесостепной срубной культуры (Васильев, 1979). К северу от территории полтавкинской общности, в лесостепи и южных районах лесной зоны находилась территория абашевской общности (Пряхин, 1976). В южных районах лесостепного Поволжья территории этих двух крупных общностей соприкасались и частично накладывались друг на друга. Имеются свидетельства общего предшествования позднейших и раннеполтавкинских памятников абашевским и, в то же время, отдельные данные о сосуществовании средневолжской полтавкинской культуры на ее позднем этапе с абашевской. Однако, по-видимому, до конца существования полтавкинской культуры эти контакты были спорадическими, и активные взаимодействия «полтавкинцев» и «абашевцев» начались лишь в период формирования срубной культуры. Новыми работами в Нижнем и Среднем Поволжье, а также в Северном Прикаспии подтвержден вывод исследователей о том, что основой срубной культуры явилась полтавкинская культура (общность). Однако, процесс формирования срубной культуры был очень сложным, и на каждой территории, кроме этого основного компонента, в нем участвовали и другие, что в конечном счете и привело к формированию локальных культур срубной общности (Мерперт, Качалова, Васильев, 1985). В лесостепном Поволжье, кроме средневолжской полтавкинской культуры, в ее сложении принимало участие население абашевской культуры. Ряд черт погребального обряда, керамических традиций, типов костяного и металлического инвентаря памятников I этапа срубной культуры лесостепного Поволжья и Приуралья имеют аналогии на востоке – в петровско-новокумакских комплексах и на западе – в памятниках многоваликовой керамики. Эта близость может свидетельствовать об их синхронности и близости процессов фор-

мирования срубных, алакульских и, в некоторой степени, многоваликовых племен.

В материалах I этапа лесостепной волго-уральской срубной культуры кроме полтавкинских традиций (пропорции горшковидных и баночных сосудов, расположение орнаментальных зон, мотивы и элементы орнамента, положение и ориентировка погребенных и т.д.), наблюдаются также абашевские традиции (колоколовидные формы некоторых сосудов с желобком и ребром на внутренней стороне шейки, упорядоченная штриховка поверхности, ведущие типы металлических орудий, украшений и т.д.). Ряд черт раннесрубных памятников имеет общие полтавкинско-абашевские традиции: крупные прямоугольные ямы, различные органические и неорганические подстилки и подсыпки, выраженный культ огня, сложные вокругмогильные и внутримогильные сооружения, жертвенники, примесь раковины в керамике и т.д. Тип оседлого комплексного скотоводческо-земледельческого хозяйства срубных племен более соответствует абашевскому, нежели полтавкинскому. Таким образом, в сложении лесостепной волго-уральской срубной культуры, по-видимому, принимали активное участие абашевские племена, чем в значительной степени объясняется формирование ее своеобразных культурных черт, отличающих ее от всех других культур срубной общности. Следует отметить, что в материалах I этапа срубной культуры лесостепи полтавкинские и абашевские черты проявляются в самых различных сочетаниях и в разной пропорции. Некоторые памятники (например, могильник Солнечный, см.: Пестрикова, 1977. С.72-81) абашевских черт вообще не имеют, однако в большинстве материалов этого времени они в той или в иной степени прослеживаются. Оснований для хронологического расчленения этих памятников пока нет. Видимо, наличие тех или иных черт в памятниках I этапа и их количественные соотношения показывает степень участия полтавкинских или абашевских групп в формировании конкретных групп населения срубной культуры. Не исключено и прямое продвижение отдельных, уже сложившихся групп раннесрубного населения из степи в лесостепные районы, которые могли оставить памятники типа Солнечного могильника. Вероятно, имел место и обратный процесс – отдельные продвижения лесостепных

срубных племен на юг, в степь. В конце I этапа срубные племена начали широкое расселение на запад – в лесостепное Подонье, на северо-запад – в бассейн Оки, на север и северо-восток – в междуречье Суры и Волги, левобережье Камы и Приуралья.

Абашевские памятники Подонья в основном синхронизируются с памятниками I этапа срубной культуры лесостепного Поволжья, а сменившие их раннесрубные памятники имеют ряд черт, позволяющие их синхронизировать с памятниками II этапа лесостепного Поволжья (Пряхин, 1973). Выявленные Н.К. Качаловой отличия степных памятников Поволжья и Подонья от лесостепных (Качалова, 1977) и ряд параллелей в формах орнаментации керамики лесостепного Поволжья и Подонья, наряду с локальными особенностями, свидетельствуют о том, что заселение лесостепного Дона шло с востока, из лесостепных районов Поволжья. Отдельные памятники I этапа известны в прибрежных районах на правом берегу р. Волги, однако далее на запад, в Волго-Донском междуречье, судя по работам П.С. Рыкова, Е.К. Максимова, В.Г. Миронова, А.А. Хрекова и других исследователей, относятся уже к началу развитого II этапа срубной культуры. Одно из наиболее ранних срубных поселений Среднего Подонья – Раздольное I (Пряхин, 1983), также, видимо, датируется временем не ранее начала II этапа. Возможно, расселение срубных племен на запад сдерживалось массивом абашевских племен, сравнительно плотно заселившим эти районы (Пряхин, 1976, 1977). Ранее, еще в рамках I этапа, началось расселение срубных племен на север и северо-запад. Это продвижение было облегчено развитой речной системой, связывающей Среднее и Верхнее Подонье в широтном направлении (Волга, Сура, Мокша, Ока), а также, видимо, сравнительно разреженным населением этих районов. Наиболее ранние памятники северных районов лесостепного и юга лесного Поволжья (Степанов, 1955. С.74-80; Мерперт, 1962) имеют ряд архаичных черт, позволяющих относить их к I этапу срубной культуры лесостепного Поволжья (одномогильные курганы, крупные ямы, мощные деревянные сооружения, иногда охристые подсыпки и т.д.). В то же время здесь мы видим уже сложившуюся срубную культуру с четким стандартом погребального обряда и инвентаря, когда

все слагающие ее компоненты были уже переработаны в единое целое. Поэтому эти памятники следует относить к концу I этапа срубной культуры лесостепного Поволжья. То же самое можно сказать об известных Малоокуловских курганах (Мерперт, 1958. С.77-79). По-видимому, все эти памятники характеризуют первый этап проникновения срубных племен с территории их формирования на север. Следует отметить, что определенная архаика погребального обряда всех указанных памятников, возможно, объясняется консерватизмом срубных племен, оторвавшихся от прародины и оказавшихся, вероятно, во враждебном окружении. Подобные процессы переселений этносов прослеживаются по данным этнографии. В дальнейшем, в результате взаимодействия пришлых срубных групп с местным населением (абашевским, поздневололовским) произошло формирование поздняяковской культуры (Попова, 1960; 1976; Бадер, Халиков, 1976).

Аналогичный процесс наблюдается и в низовьях Камы. Здесь на местную поздневололовскую основу накладывались балановская и абашевская культурные традиции, а затем, в результате мощного культурного воздействия продвинувшегося с юга массива срубных племен в конце I этапа складывается близкая поздняяковской приказанская культура (Калинин, Халиков, 1954; Халиков, 1969; Мерперт, 1958. С.74-77).

В восточных районах лесостепного Приуралья механизм формирования срубной культуры, видимо, был близок поволжскому. На юге лесостепи и в степной зоне Приуралья известны ямно-полтавкинские памятники (Сальников, 1962; Федорова-Давыдова, 1971). Более северные районы лесостепного и юга лесного Приуралья во второй четверти II тыс. до н.э. занимали племена уральской абашевской культуры (Сальников, 1967; Пряхин, 1976; Горбунов, 1977). По наблюдениям исследователей абашевских и срубных памятников Приуралья, следы контакта и взаимоассимиляции приуральских абашевских и срубных племен отсутствуют (Сальников, 1967. С.225-226; Горбунов, 1977. С.24). Причины этого явления до конца не ясны. Одним из возможных объяснений может быть раннее обособление уральских «абашевцев» от ямно-полтавкинского мира и восточная направленность их культурной ориентации, что в конечном итоге привело к

органичному включению уральской абашевской культуры в процесс формирования алакульской общности (круга петровско-новокумакских памятников). Срубные же племена формировались на основе нижневолжского и средневолжского полтавкинского и доно-волжского (по терминологии А.Д.Пряхина) абашевского населения, имевшего определенную западную ориентацию. Это и привело, наряду со значительными общими чертами, к формированию самобытных срубной и алакульской культур.

На юге лесостепных и в степных районах Приуралья, судя по материалам ряда исследованных здесь памятников (Федорова-Давыдова, 1968, 1973), проходил близкий поволжскому процесс формирования срубных и срубно-алакульских племен. При этом следует иметь в виду именно единый процесс формирования срубных, срубно-алакульских и алакульских племен на близкой основе, а не их изолированное формирование и дальнейшие контакты на «пограничной» территории. Наиболее ранние срубно-алакульские и алакульские памятники Южного Приуралья имеют комплекс признаков, позволяющий синхронизировать их с памятниками I этапа срубной культуры лесостепного Поволжья. Отсюда, так же, как и в лесостепном Поволжье в конце I этапа, срубные племена продвигались на север, заселяя все лесостепное Приуралье до низовьев р. Белой, частично переходя и на ее правый берег. Основная масса исследованных памятников Приуралья характерна для развитой срубной культуры на II и III этапах ее развития, однако отдельные памятники можно отнести и к концу I этапа. В это время отдельные группы срубных племен проникали в Зауралье, в район Магнитогорска (Сальников, 1967. С.228; Морозов, Пшеничнюк, 1976; Морозов, 1976а). Близость погребального обряда и керамики северных районов лесостепного Приуралья и Поволжья показывает, что не исключено еще одно направление расселения срубных племен: из лесостепного Поволжья на северо-восток – в лесостепное Приуралье (Сальников, 1967. С.225; Морозов, 1977. С.16).

Хозяйство срубных племен. Материалы погребальных и особенно поселенческих комплексов дают представление о хозяйстве населения срубных племен лесостепного Поволжья и Приуралья. Срубная культура в этом отношении, так же,

как и в других областях материальной и духовной культуры, явилась наследницей полтавкинской и абашевской культур. Природные условия лесостепных районов, благоприятствующие развитию земледелия и придомного скотоводства, обусловили высокий уровень развития этих отраслей хозяйства у населения срубной культуры. Судя по большому количеству костей животных, находимых при раскопках срубных поселений и могильников, на первом месте в хозяйстве оставившего их населения на всей территории этого обширного региона было скотоводство. Свидетельств о наличии земледелия гораздо меньше, что, возможно, объясняется неравноценностью доходящих до нас источников – находки продуктов земледелия чрезвычайно редки, в силу их плохой сохранности, и до нас доходят лишь орудия труда. В целом, на основании имеющихся данных можно предполагать, что у племен лесостепного Поволжья и Приуралья существовало комплексное, скотоводческо-земледельческое хозяйство со скотоводством на первом месте. Подсобную роль в хозяйстве играли охота, рыболовство и собирательство.

В отличие от степных районов (Шилов, 1964; 1975), где наблюдался переход отдельных групп к подвижному образу жизни и кочевому скотоводству, срубные племена лесостепи вели оседлый образ жизни и занимались придомным скотоводством. Результаты остеологического анализа показывают, что в отличие от степных срубных племен, у которых в стаде на первом месте был мелкий рогатый скот, в лесостепи основой стада являлся крупный рогатый скот. На некоторых поселениях количество костей крупного рогатого скота достигает 70-80%. На втором месте в стаде находился мелкий рогатый скот или лошадь. Количество костей мелкого рогатого скота на поселениях зависит от района их расположения: чем южнее поселение, тем больше роль овцы в стаде оставившего его населения. На юге лесостепи процент костей овцы достигает 30%, а в северных районах – 5-10%. Одновременно снижается количество костей свиньи: в северных районах 5-10%, на некоторых памятниках южных районов лесостепи кости свиньи практически отсутствуют. Количество костей лошади на разных памятниках неодинаково – от 10 до 30% и более. Однако, как уже отмечалось исследователями (Синицын, 1949; Сальников, 1967), малое коли-

чество костей лошади в культурном слое еще не является показателем ее малого использования в хозяйстве, а свидетельствует лишь о факте ее незначительного употребления в пищу. Племена срубной культуры широко использовали лошадь как ездовую и тягловую силу. На поселениях и в погребениях найдено большое количество орудий труда и других предметов, использовавшихся при переработке продуктов скотоводства: костяные тупики, скребки, медные и бронзовые шилья, иглы, пряслица, глиняные сосуды с отверстиями в днище, использовавшиеся для приготовления творога и т.д.

О роли земледелия в хозяйстве лесостепных срубных племен судить трудно. Видимо, оно по сравнению со скотоводством играло подчиненную роль, хотя и несколько большую, чем в степных районах Поволжья. Об этом говорят находки каменных мотыг, плоских медных топоров, многочисленные клады и отдельные находки серпов, зернотерок, пестов и других орудий для обработки почвы и переработки продуктов земледельческого хозяйства.

На срубных поселениях лесостепного Поволжья выявлены многочисленные следы металлургического производства. Причем, они зафиксированы на памятниках всех этапов развития культуры: от ранних до поздних (поселения Михайло-Овсянка, Шигоны, Яковка, Липовый Овраг и др.). На поселении Михайло-Овсянка (I-II этапы) обнаружены шахты для добычи медной руды, куски руды, ошлакованные сосуды; на Шигонском II поселении (I-II этапы) – литейные формы для отливки кельта, слитки; на Яковском I поселении (II этап) – фрагменты литейной формы для отливки серпов, на поселении Липовый Овраг (III этап) – всплески и капли меди, литейные формы для отливки копья, тесла, ножей, топора, плавильные чаши.

Типы металлических изделий ранних срубных племен лесостепи обнаруживают преемственность с полтавкинско-катакомбной металлообработкой и особенно ярко – с абашевской. На более поздних этапах срубные племена получали металл и готовую продукцию от алакульских племен Зауралья и Северного Казахстана, продолжая в то же время разработку и собственных месторождений (Кузьминых, 1981). Явных свидетельств собственной металлообработки у населения с керамикой «ивановского типа» пока

не найдено. В это время изменилось основное направление культурных связей, и металлообработка населения финальной бронзы лесостепного Поволжья и Приуралья попала под влияние северо-причерноморских очагов металлообработки. Свидетельством этого влияния являются находки кладов и отдельных изделий северо-причерноморских типов в лесостепном Поволжье (Черных, 1970, 1976).

Таким образом, срубная культура лесостепного Поволжья и Приуралья существовала с XVII в. до XII (XI?) вв., сменившись затем в северной части – межовской и приказанской, а в южной – ивановской культурами финального бронзового века. На протяжении этого времени срубная культура прошла 3 этапа своего развития (вопрос о 4 этапе – Кайбельском из-за недостаточности источников пока открыт). На каждом из этапов срубная культура имела характерные черты в форме жилищ, хозяйства, погребального обряда, керамике и другом инвентаре, а также определенную систему культурных связей, хронологические индикаторы и, в то же время, на протяжении всех 4 этапов она была связана единой линией развития.

На своей, довольно обширной, территории срубная культура лесостепного Поволжья и Приуралья не была однородной. Восточные приуральские памятники обладают чертами, свидетельствующими о значительном алакульском компоненте в культуре населения этого региона (широкое использование камня в погребальном обряде, многочисленные алакульские элементы в форме и орнаменте керамики, в основном – алакульский металл в погребениях и т.д.). Северные прикамские срубные памятники имеют яркие черты, указывавшие на восточное влияние на III этапе существования срубной культуры. Причем, если в более южных районах срубной культуры хорошо прослеживаются степные и лесостепные алакульские элементы, то здесь хорошо видны лесные, черкаскульско-федоровские черты. Одновременно памятники южных районов лесостепного Поволжья более близки срубным памятникам степного Поволжья. Таким образом, в лесостепной волго-уральской срубной культуре намечается известная локализация, которая со временем позволит выделить локальные варианты культуры. Первые попытки их выделения уже делались (Сальников, 1967. С.199,

234-237; Халиков, 1969. С.220). В настоящее время, в связи с неравномерностью уровня изученности территории лесостепной волго-уральской срубной культуры и отсутствием полной сводки ее материала, проблема выделения локальных вариантов ждет своего исследователя. В связи с этим особый интерес представляют центральные районы лесостепного Поволжья (Ульяновская, север Куйбышевской области, юг Татарской АССР). Работами Куйбышевской и Средневожской экспедиций в этом микрорайоне обнаружены свидетельства сложнейших погребальных культов срубных племен, нашедших свое выражение в мощных жертвенниках с костями коней и других животных, в разнообразных деревянных погребальных сооружениях, во вторичных захоронениях и расчленениях, кенотафах, в распространении культа огня в его различных проявлениях (от разведения костров: на деревянном накатнике – до полной кремации погребенных) и т.д. По разнообразию и пышности погребального обряда, срубная культура этих районов не имеет себе равных на всей территории срубной общности. Не исключено, что со временем здесь будет выявлен центр срубных племен лесостепного Поволжья. В целом, дальнейшие исследования должны быть направлены на решение спорных и не изученных проблем волго-уральской срубной культуры.

Источники и литература

- Аванесова Н.А.** Проблемы истории андроновского культурного единства. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1979.
- Агапов С.А., Васильев И.Б.** Новые поселения срубной культуры в Куйбышевском Заволжье // Очерки истории и культуры Поволжья. Куйбышев, 1976.
- Агапов С.А., Васильев И.Б., Кузьмина О.В., Семенова А.П.** Срубная культура лесостепного Поволжья // Культуры бронзового века Восточной Европы. Куйбышев, 1983.
- Агапов С.А., Пенин Г.Г.** Поселения срубной культуры в бассейне р. Безенчук // Проблемы археологии Поволжья и Приуралья. Куйбышев, 1976.
- Багаудинов Р.С., Скарбовенко В.А.** Работы Южного отряда Средневожской экспедиции // АО-1977. М., 1978.
- Багаудинов Р.С., Скарбовенко В.А.** Новопавловская курганная группа // Древние культуры Поволжья и Приуралья. Куйбышев, 1978.
- Бадер О.Н., Халиков А.Х.** Памятники балановской культуры // САИ. Вып.1-25. М., 1976.
- Березанская С.С.** Основные результаты изучения культуры многоваликовой керамики // Проблемы эпохи бронзы юга Восточной Европы. Донецк, 1979.
- Березанская С.С.** Северная Украина в эпоху бронзы. Киев, 1982.
- Бочкарев В.С., Лесков А.М.** О хронологическом соотношении памятников эпохи поздней бронзы Северного Причерноморья с Подоньем, Поволжьем и Северным Кавказом // Древние культуры Поволжья и Приуралья. Куйбышев, 1978.
- Братченко С.Н.** К вопросу о сложении бабинской культуры многоваликовой керамики // Вильнянские курганы в Днепровском Надпорожье. Киев, 1977.
- Буров Г.М.** Курганы бронзового века близ Ульяновска. Ульяновск, 1974.
- Васильев И.Б.** Новые памятники срубной культуры на востоке Куйбышевской области // Вопросы отечественной и всеобщей истории. Куйбышев, 1975.
- Васильев И.Б.** К вопросу о двух ямно-полтавкинских поселениях в Куйбышевской области // Очерки истории и культуры Поволжья. Куйбышев, 1976.
- Васильев И.Б.** Лузановский курганный могильник (материалы раскопок) // Средневожская археологическая экспедиция. Куйбышев, 1977.
- Васильев И.Б.** Полтавкинские памятники Среднего Поволжья и некоторые вопросы формирования срубной общности // Древние культуры Поволжья и Приуралья. Куйбышев, 1978.
- Васильев И.Б.** Лесостепное Поволжье в эпоху энеолита и ранней бронзы // Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1979.
- Васильев И.Б., Иванов В.А.** О южной границе преданьянской общности // Древняя история Поволжья. Куйбышев, 1979.
- Васильев И.Б., Кузьмина О.В., Семенова А.П.** Периодизация памятников срубной культуры лесостепного Поволжья // Срубная культурно-историческая общность. Куйбышев, 1985.
- Васильев И.Б., Пятых Г.Г.** Новые трупосожжения бронзового века в Заволжье // Очерки истории и культуры Поволжья. Вып. II. Куйбышев, 1976.
- Ватазина А.П.** Киевский курганный могильник // Неолит и бронзовый век Поволжья и Приуралья. Куйбышев, 1977.
- Виноградов Н.Б., Зданович Г.Б.** Исследование Кулевчинского комплекса эпохи бронзы // АО-1979. М., 1980.
- Габелко Н.Л.** Могильник срубной культуры у совхоза Кирова в Куйбышевской области // Древние культуры Поволжья и Приуралья. Куйбышев, 1978.
- Галкин Л.Л.** Раскопки срубных курганов в долине р. Авраль // АО-1973. М., 1974.
- Галкин Л.Л.** Работы Средневожской экспедиции // АО-1974. М., 1975.
- Галкин Л.Л., Ким М.Г., Ледяйкин В.И., Мельник В.И., Хренов А.А.** Исследования в Среднем Поволжье // АО-1975. М., 1976.
- Галкин Л.Л., Ким М.Г., Малов Н.М., Мельник В.И.** Исследования в Ульяновском Средневожье и Саратовском Заволжье // АО-1977. М., 1978.
- Гольмстен В.В.** Некоторые типы погребений бронзовой эпохи // Материалы по археологии Самарской губернии. Бюллетень ОАИЭЕ при СГУ. Вып.5. Самара, 1928.
- Гольмстен В.В.** Археологические памятники Самарской губернии // ТСА РАНИОН. Т.IV, 1928.

- Гольмстен В.В. «Серпы» из Сосновой Мазы // ИИМК, №5-5, 1933.
- Горбунов В.С. История племен абашевской культуры в бассейне реки Белой. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1977.
- Горбунов В.С. Абашевская культура Юного Приуралья. Уфа, 1986.
- Горбунов В.С., Обыденнов М.Ф. Курганы срубной культуры у деревни Старо-Якарово на р.Деме // Археологические памятники на территории СССР и их изучение в высшей педагогической школе. Воронеж, 1978.
- Гроздилов Г.П. Куйбышевская область // Археологические исследования в РСФСР в 1934-1936 гг. М.-Л., 1941.
- Грязнов М.П. Землянки бронзового века близ хут. Ляпичева на Дону (из работ в зоне строительства Волго-Донского канала) // КСИИМК, 1953.
- Деревягин Ю.В., Симонов Р.М. Валиковая керамика на срубных памятниках Нижнего Поволжья // СА. №2. М., 1971.
- Дмитриев П.А., Сальников К.В. Уфа-Ишимбай // Археологические исследования в РСФСР в 1934-1936 гг. М.-Л., 1941.
- Ефименко П.П., Третьяков П.Н. Абашевская культура в Поволжье // МИА, №97. М., 1961.
- Збруева А.В., Смирнов А.П. Археологические исследования на строительстве Куйбышевского гидроузла в 1938 г. // ВДИ. №4. М., 1939.
- Зданович Г.Б. Стратиграфия поселения Новоникольское I // Археологические исследования в Казахстане. Алма-Ата, 1973.
- Зданович Г.Б. Периодизация и хронология памятников эпохи бронзы Петропавловского Приишимья. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1975.
- Зданович С.Я. Саргаринская культура – заключительный этап бронзового века в Северном Казахстане. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1979.
- Зудина В.Н., Кузьмина О.В. Поселения эпохи бронзы на юго-западе Куйбышевской области // Неолит и бронзовый век Поволжья и Приуралья. Куйбышев, 1977.
- Казаков Е.П. Погребения срубной культуры у дер. Куралово // СА. №3. М., 1975.
- Казаков Е.П. Погребения эпохи бронзы могильника Такталачук // Древности Икско-Бельского междуречья. Казань, 1978.
- Калинин Н.Ф., Халиков А.Х. Поселения эпохи бронзы в Приказанском Поволжье по раскопкам 1951-1952 гг. // МИА. №42. М., 1954.
- Качалова Н.К. О локальных различиях в лесостепной срубной культуре // АС ГЭ, №18, Л.1977.
- Качалова Н.К. Относительная периодизация срубных погребений Нижнего Поволжья // Древние культуры Поволжья и Приуралья. Куйбышев, 1978.
- Кривцова-Гракова О.А. Степное Поволжье и Причерноморье в эпоху поздней бронзы // МИА. №46. М., 1955.
- Кузьмина О.В. Срубно-абашевские взаимоотношения в лесостепном Поволжье // Древние культуры Поволжья и Приуралья. Куйбышев, 1978.
- Кузьминых С.В. Металлообработка срубных племен Закамья // Об исторических памятниках по долинам Камы и Белой. Казань, 1981.
- Матвеева Г.И. Раскопки Михайло-Овсянского селища // АО-1978. М., 1979.
- Мерперт Н.Я. Материалы по археологии Среднего Заволжья // МИА. №42. М., 1954.
- Мерперт Н.Я. Из древнейшей истории Среднего Поволжья // МИА. №61. М., 1958.
- Мерперт Н.Я. Срубная культура Южной Чувашии // МИА. №111. М., 1962.
- Мерперт Н.Я., Качалова Н.К., Васильев И.Б. О формировании срубных племен Поволжья // Срубная культурно-историческая общность. Куйбышев, 1985.
- Мильков Ф.Н. Природные зоны СССР. М., 1977.
- Морозов Ю.А. История племен срубной культуры Бельско-Уральского междуречья. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1977а.
- Морозов Ю.А. Новые сведения о заселении Приуралья срубными племенами // СА. №1. М., 1977б.
- Морозов Ю.А. Тавлыкаевское поселение срубной культуры // Поселения и жилища древних племен Южного Урала. Уфа, 1983.
- Морозов Ю.А., Пшеничнюк А.Х. Новые погребальные памятники срубной культуры в южной Башкирии // Древности Южного Урала. Уфа, 1976.
- Обыденнов М.Ф. Культура населения Южного Урала в конце бронзового века. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1981.
- Орехов В.Ф. Раскопки 2-х курганов при с.Адоевщине Хвалынского уезда // Труды СУАК. Вып.31. Саратов, 1914.
- Орехов В.Ф. Две раскопки на церковной земле села Ивановки Хвалынского уезда Саратовской губернии // Труды СУАК. Вып.33. Саратов, 1916.
- Отрошенко В.В. Срубная культура степного Поднепровья (по материалам погребальных памятников). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.,–Киев, 1981.
- Пестрикова В.И. I курганный могильник у совхоза «Солнечный» // Неолит и бронзовый век Поволжья и Приуралья. Куйбышев, 1977.
- Попова Т.Б. Керамика мелекесских курганов // АС Труды ГИМ. Вып. XXII. М., 1953.
- Попова Т.Б. Памятники срубной культуры в окрестностях с. Быково // МИА. №78. М.,1960.
- Попова Т.Б. Исследование могильников поздняяковской культуры (особенности погребального обряда) // Проблемы археологии Поволжья и Приуралья. Куйбышев, 1976.
- Потемкина Т.М. Культура населения эпохи бронзы Среднего Притоболья. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1976.
- Потемкина Т.М. О соотношении алексеевских и замараевских комплексов в лесостепном Зауралье // СА. №2. М., 1979.
- Пряхин А.Д. Поселения абашевской общности. Воронеж, 1976.
- Пряхин А.Д. Погребальные абашевские памятники. Воронеж, 1977.
- Пряхин А.Д. Поселение срубной культурно-исторической общности у д.Раздольное // Культуры бронзового века Восточной Европы. Куйбышев, 1983.
- Рыков П.С. Результаты археологического исследования в Нижнем Поволжье летом 1923 года // УЗ СГУ. Т.III. Вып.3. Саратов, 1925.

- Рыков П.С.** Нижнее Поволжье по археологическим данным 1926-27 гг. М.-Саратов, 1929.
- Сагайдак В.И.** Стратиграфический анализ процентного соотношения основных форм срубных сосудов с поселений лесостепного Дона // Проблемы археологии Поволжья и Приуралья. Куйбышев, 1976.
- Сальников К.В.** Южный Урал в эпоху неолита и ранней бронзы // АЭБ. Т.1. Уфа, 1962.
- Сальников К.В.** Очерки древней истории Южного Урала. М., 1967.
- Синицын И.В.** Поселения эпохи бронзы степных районов Заволжья // СА. №XI, М., 1949.
- Смирнов К.Ф., Кузьмина Е.Е.** Происхождение индоиранцев в свете новейших археологических открытий. М., 1977.
- Степанов П.Д.** Курганы эпохи бронзы у с.Пиксяси Мордовской АССР // КСИИМК. Вып.59. М., 1955.
- Федоров Б.** Памятники старины у с. Старые Печеуры Хвалынского уезда // Труды СУАК. Вып.31. Саратов, 1914.
- Федорова-Давыдова Э.А.** Племена Южного Приуралья в эпоху бронзы. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1968.
- Федорова-Давыдова Э.А.** Приуральская группа памятников ямной культуры // История и культура Восточной Европы по археологическим данным. М., 1971.
- Федорова-Давыдова Э.А.** К проблеме андроновской культуры // Проблемы археологии Урала и Сибири. М., 1973.
- Халиков А.Х.** Древняя история Среднего Поволжья. М., 1969.
- Чередниченко Н.Н.** Хронология срубной культуры Северного Причерноморья // Археологія. №22. Київ, 1977.
- Черных Е.Н.** Древнейшая металлургия Урала и Поволжья. М., 1970.
- Черных Е.Н.** Древняя металлообработка на Юго-Западе СССР. М., 1976.
- Шарафутдинова И.Н.** Степное Поднепровье в эпоху поздней бронзы. Киев, 1982.
- Шарафутдинова Э.С.** Памятники многоваликовой керамики (КМК) на Нижнем Дону и некоторые вопросы периодизации // Древние культуры Поволжья и Приуралья. Куйбышев, 1978.
- Шарафутдинова Э.С.** Время появления раннесрубных памятников на Нижнем Дону // Проблемы хронологии археологических памятников степной зоны Северного Кавказа. Ростов н/Д., 1983.
- Шилов В.П.** Проблемы освоения степей Нижнего Поволжья // АСТЭ. №6. Л., 1964.
- Шилов В.П.** Очерки по истории древних племен Нижнего Поволжья. Л., 1975.
- Юнусова Р.М. В.В.** Гольмстен – первый исследователь древнего прошлого Самарской губернии // Самарская Лука в древности. Куйбышев, 1975.